

вому народу, его тяжелой доле, его страданиям. Подлинным гуманистом, защитником угнетенных и эксплуатируемых он являлся тогда, когда подвергал суровой критике весь государственный строй, основанный на насилии и рабстве. Поэтому наиболее интересными и значительными являются те главы его книги, в которых проявляется неприятие и осуждение великим писателем порядков собственнического общества. Гневом и возмущением дышат его страниды, посвященные критике буржуазного государства, которое он справедливо сравнивает с разбойником, государства, отчужденного от народа, вставшего над ним, как страшная и враждебная ему сила. Писатель видит и клеймит всю бесчеловечность деления общества на «верхи» и «низы», привилегированное меньшинство и поработенное большинство. Он обрушивается на церковь, которая благословила и оправдала существование рабов и господ, тюрем и смертной казни, голодное прозябание одних, роскошь и пресыщенность других. Суждения Толстого о состоянии буржуазной науки выражают его глубокое недовольство отчуждением современной буржуазной культуры от народа, от его действительных нужд и потребностей.

Глубокие и непримиримые противоречия, присущие мировоззрению Толстого, сказались в этой его работе с особой силой. Серьезная общественная критика, страстное желание искоренить и уничтожить пороки собственнического буржуазного строя не могли не прийти в столкновение с его доктриной всеобщей любви и апологией страдания.

Для Толстого характерно искание доступных для широких кругов литературных форм. Основательно ознакомившись с «книгами мудростей» народов Востока, с афоризмами римлян, распространенными в древней Руси книгами для чтения, сентенциями французских просветителей, Толстой заинтересовался такого рода формой. К моменту работы над сборником «Путь жизни» Толстым уже были изданы «Мысли мудрых людей», «Круг чтения», завершалось начатое еще в 1906 году составление книги «На каждый день». Придавая большое значение этим сборникам, Толстой неустанно работал над их совершенствованием. Подчеркивая отличие «Пути жизни» от предшествующих работ этого типа, Толстой писал к В. А. Поссе, что в ней «выбраны самые важные... мысли из всех, и кроме

того расположены они в определенном, имеющем внутренне значение порядке».¹

Толстой мечтал, чтобы его труд стал настольной книгой миллионов читателей, чтобы служил им путеводителем в их «трудах и днях», принес им ощутимую пользу, повлиял бы на общее развитие истории. Желание писателя не осуществилось. Книга, которую он создал, отличается рассудочностью и отвлеченностью, она бесконечно далека от того, чтобы дать действительное решение реальным и жгучим социальным проблемам, ибо иллюзорной и утопичной была та философия, которую проповедовал Толстой, утопичным и реакционным тот «путь жизни», к которому призывал.

¹ Т. 82, письмо № 184.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

Тексты, публикуемые в настоящем томе, печатаются по общепринятой орфографии.

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила.

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется.

Слова, случайно не написанные, если отсутствие их затрудняет понимание текста, печатаются в прямых скобках.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Условные сокращения типа «к-ый», вместо «который», и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках.

На месте неразобранных слов ставится: [1, 2, 3 и т. д. *неразобр.*], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что имеет существенное значение.

Более или менее значительные по размерам зачеркнутые места (в отдельных случаях и слова) воспроизводятся в тексте в ломаных < > скобках.

Авторские скобки обозначены круглыми скобками.

Многоточия воспроизводятся так, как они даны автором.

Абзацы редактора делаются с оговоркой в сноске: Абзац редактора.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому, печатаются в сносках (петитом) без скобок. Редакторские переводы иностранных слов и выражений печатаются в прямых скобках.

Обозначение * как при названиях произведений, так и при номерах вариантов означает, что текст печатается впервые, ** — что текст печатается после смерти Толстого.

ПУТЬ ЖИЗНИ
1910

ПРЕДИСЛОВИЕ

1) Для того, чтобы человеку хорошо прожить свою жизнь, ему надо знать, что он должен и чего не должен делать. Для того, чтобы знать это, ему надо понимать, что такое он сам и тот мир, среди которого он живет. Об этом учили во все времена самые мудрые и добрые люди всех народов. Учения эти все в самом главном сходятся между собою, сходятся и с тем, что говорят каждому человеку его разум и совесть. Учение это такое:

2) Кроме того, что мы видим, слышим, осязаем и про что ¹⁰ знаем от людей, есть и такое, чего мы не видим, не слышим, не осязаем и про что никто ничего не говорил нам, но что мы знаем лучше всего на свете. Это то, что дает нам жизнь и про что мы говорим «я».

3) Это же невидимое начало, дающее нам жизнь, мы признаем и во всех живых существах и особенно живо в подобных нам существах — людях.

4) Всемирное, невидимое начало это, дающее жизнь всему живому, создаваемое нами в самих себе и признаваемое в подобных нам существах — людях, мы называем душою, само же ²⁰ в себе всемирное невидимое начало это, дающее жизнь всему живому, мы называем богом.

5) Души человеческие, отделенные телами друг от друга и от бога, стремятся к соединению с тем, от чего они отделены, и достигают этого соединения с душами других людей любовью, с богом — сознанием своей божественности. В этом всё большем и большем соединении с душами других людей — любовью и с богом — сознанием своей божественности заключается и смысл и благо человеческой жизни.

6) Большее и большее соединение души человеческой с другими существами и богом, и потому и большее и большее благо человека, достигается освобождением души от того, что препятствует любви к людям и сознанию своей божественности: грехи, т. е. потворство похотям тела, соблазны, т. е. ложные представления о благе, и суеверия, т. е. ложные учения, оправдывающие грехи и соблазны.

7) Препятствующие соединению человека с другими существами и богом грехи суть: грехи чревоугодия, т. е. объедения,
10 пьянства;

8) Грехи блуда, т. е. полового распутства;

9) Грехи праздности, т. е. освобождения себя от труда, нужного для удовлетворения своих потребностей;

10) Грехи корыстолюбия, т. е. приобретения и хранения имущества для пользования трудами других людей;

11) И худшие из всех грехов, грехи разъединения с людьми: зависти, страха, осуждения, враждебности, гнева, вообще — недоброжелательства к людям. Таковы грехи, препятствующие
20 соединению любовью души человеческой с богом и другими существами.

12) Привлекающие же людей к грехам соблазны, т. е. ложные представления об отношении людей к людям, суть: соблазны гордости, т. е. ложного представления о своем превосходстве над другими людьми;

13) Соблазны неравенства, т. е. ложного представления о возможности деления людей на высших и низших;

14) Соблазны устроительства, т. е. ложного представления о возможности и праве одних людей насильем устраивать
30 жизнь других людей;

15) Соблазны наказания, т. е. ложного представления о праве одних людей ради справедливости или исправления делать зло людям;

16) И соблазны тщеславия, т. е. ложного представления о том, что руководством поступков человека могут и должны быть не разум и совесть, а людские мнения и людские законы.

17) Таковы соблазны, привлекающие людей к грехам. Суеверия же, оправдывающие грехи и соблазны, суть:
40 суеверие государства, суеверие церкви и суеверие науки.

18) Суеверие государства состоит в вере в то, что необходимо и благотворно, чтобы меньшинство праздных людей властвовало над большинством рабочего народа.

Суеверие церкви состоит в вере в то, что непрестанно уясняющаяся людям религиозная истина была раз навсегда открыта и что известные люди, присвоившие себе право учить людей истинной вере, находятся в обладании единой, раз навсегда выраженной религиозной этой истины.

19) Суеверие науки состоит в вере в то, что единое, истинное и необходимое для жизни всех людей знание заключается 10 только в тех случайно избранных из всей безграничной области знаний отрывках разных, большей частью ненужных знаний, которые в известное время обратили на себя внимание небольшого числа освободивших себя от необходимого для жизни труда людей и потому живущих безнравственной и неразумной жизнью.

20) Грехи, соблазны и суеверия, препятствуя соединению души с другими существами и богом, лишают человека свойственного ему блага, и потому для того, чтобы человек мог пользоваться этим благом, он должен бороться с грехами, соблазнами и суевериями. Для борьбы этой человек должен делать усилия. 20

21) И усилия эти всегда во власти человека, во-первых, потому, что совершаются они только в настоящее мгновение, т. е. в той безвременной точке, в которой прошедшее соприкасается с будущим и в которой человек всегда свободен;

22) Во-вторых, усилия эти во власти человека еще и потому, что они заключаются не в совершении каких-либо могущих быть неисполнимыми поступков, а только в воздержании, всегда возможном для человека: усилия воздержания от поступков, противных любви к ближнему и сознанию человеком в себе божественного начала. 30

23) Усилия воздержания от слов, противных любви к ближнему и сознанию человеком в себе божественного начала;

24) И усилия воздержания от мыслей, противных любви к ближнему и сознанию человеком в себе божественного начала.

25) Ко всем грехам приводит человека потворство похотям тела, и потому для борьбы с грехами человеку нужны усилия воздержания от поступков, слов и мыслей, потворствующих похотям тела, т. е. усилия отречения от тела.

26) Ко всем соблазнам приводит человека ложное представление о превосходстве одних людей над другими, и потому для 40

борьбы с соблазнами человеку нужны усилия воздержания от возвышающих себя над другими людьми поступков, слов и мыслей, т. е. усилия смирения.

27) Но всем суевериям приводит человека допущение лжи, и потому для борьбы с суевериями человеку нужны усилия воздержания себя от противных истине поступков, слов и мыслей, т. е. усилия правдивости.

28) Успехи самоотречения, смирения и правдивости, уничтожая в человеке препятствия к соединению любовью его души с другими существами и богом, дают ему всегда доступное ему благо, и потому то, что представляется человеку злом, есть только указание того, что человек ложно понимает свою жизнь и не делает того, что дает ему свойственное ему благо. Зла нет.

29) Точно так же и то, что представляется человеку смертью, есть только для тех людей, которые полагают свою жизнь во времени. Для людей же, понимающих жизнь в том, в чем она действительно заключается, в усилии, совершаемом человеком в настоящем для освобождения себя от всего того, что препятствует его соединению с богом и другими существами, нет и не может быть смерти.

30) Для человека, понимающего свою жизнь так, как она только и может быть понимаема, всё большим и большим соединением своей души со всем живым любовью и сознанием своей божественности — с богом, достигаемым только усилием в настоящем, не может быть вопроса о том, что будет с его душою после смерти тела. Душа не *была* и не *будет*, а всегда *есть* в настоящем. О том же, как будет сознавать себя душа после смерти тела, не дано знать человеку, да и не нужно ему.

31) Не дано знать этого человеку для того, чтобы он душевные силы свои напрягал не на заботу о положении своей отдельной души в воображаемом другом, будущем мире, а только на достижение в этом мире, сейчас, вполне определенного и ничем не нарушаемого блага соединения со всеми живыми существами и с богом. Не нужно же знать человеку того, что *будет* с его душою, потому, что если он понимает жизнь свою, как она и должна быть понимаема, как непрестанное всё большее и большее соединение своей души с душами других существ и богом, то жизнь его не может быть ничем иным, как только тем самым, к чему он стремится, т. е. ничем не нарушимым благом.